

С.Н. Богобоязов
Вологда

ЗАПИСИ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ВСЕСТОРОННЕГО ИЗУЧЕНИЯ ДИАЛЕКТА

Национальный язык в различных его разновидностях составляет основу культурного наследия народа, является одним из основных его духовных достижений. Наиболее употребительной является литературная разновидность языка, в то время как территориальные диалекты, которые законодательство Российской Федерации также считает культурной ценностью [1], уходят на периферию речевой практики. Социально-экономические и культурные трансформации северной деревни приводят к исчезновению многих сельских поселений и, как следствие, к утрате локальных диалектов. Такая участь постигла и наш родной говор бывшего Азлецкого сельсовета Харовского района Вологодской области.

Всестороннее изучение говоров, носителей которого уже практически не осталось, весьма и весьма затруднительно. Диалектологические экспедиции, организации которых в Вологодском государственном университете уделяется большое внимание [2], в данном случае должны сочетаться с работой по другим источникам: важно разыскать людей, в прошлом проживавших в том или ином сельском поселении, владеющих основами местного говора, и обратиться к их речевой памяти.

В опубликованных ранее статьях мы описывали черты нашего родного говора [3]. Однако же для его полного представления следует изучать целый комплекс присущих ему черт: фонетических, лексических, грамматических и др.; а также комментировать особенности бытовой жизни, культуры и мышления носителей диалекта. Представленные ниже тексты могут

способствовать исследованию азлецкого говора. Они составлены на основе записей речи реальных людей и отражают специфику их говора в 60–70-х годах прошлого века. Тексты приводятся нами в форме упрощенной диалектологической транскрипции, с обозначением ударения и использованием буквы *ў* для передачи губно-губного звука [w].

Баўшкіны расказы

– Есь хто дома-то? Батогá у ворóт нет, дак подумала, ты, Настя, дома, заглену на упряжку.

– Проходи-тко, Манефья, проходи, матшка. Вон садись-ко ко столу. Робетишка играли, все лаўки измисьём завалили, сись некуды. Токо наладилась поохичеть. Сёдне роботы поўно, в избе охитить некоўды.

– Дақ я не стану сюды ў почветыё-те садиччё, невелика госья. Я вот сюды сяду на стулик на усторонёе, дақ и тибе мешать не буду. А где у тя ёсь сёдне?

– Да большіё дақ севóдне ў лисе, косят, поди, на Ёўге. Я-то не бóльнё и знаю, уж которой год в лисе на сенокосе не бывала, годы-те на осмой десяток, да и дома роботы поўно. Севóдне ў загороде чистила, да дроў ў дровеник поволочила, да сено у гумен покoшено, да пошевелила. Да и робетишкам ведь какоё-то вариво надо сварить. Маленькіё-те разакочё челоу день по дереўне, дақ ись-то потом токо подавай. Большіё-те с отчём да маткой на покосе, отець-от им по косе да грабёўчам изладиў, а трава-та ў лисе – листок, дақ косят, нетежело. В поле-то трава тежолá, им не проко-сить. Радиньё-то есь у обоих, да тоўку не хватаёт, одну косу уж нарушили. Сено шевелить, ли чепать, ли хош за забиром потчепать – и то помога отчу да матке. Оне и так с сенокосом-то искрятались. У отця-то на войне нога ранета, дақ топерь по ночям тоскуёт, он ночьюё бываёт што и спать не можот. Я-то на сенокосе можот бы чё и помогла, да с робетишкам водиччё надо. Добро ишшо, што оне у нас не эка вольничя, как у иных. И в школе, молодчи, не худо учаччё, настаўничя хвалит, говорит, што тоўковые робя-та. А вон чула, поди, Манефья-матшка, про пасачей-то из-за рики. Летось ушли на Гладко корёе драть. Там мекильничя ишшо стояла, оне ў её мо-тушки окладывали. Дақ ведь хватило тоўку у сотон поджегчи стару кулу ў лединке у мекильничя. А эка суш стояла, всю вёсну дожда не было. Ме-кильничя-та занелась и сторела, и потушить не могли. Сечяс там в сенокос от дожда деваччё некуды. Приведись на хорошово отця, дақ так бы батог-ом отходиў, што нидилло бы на задничю не сили. А ихной отець их поди-што и пальчём не дотронуўсё. Я вот тожо настору за своим, штобы где чё не наварзали. Сечяс ведь и своёй шали хватаёт, да ишшо городоўшыны наехало, тово и гледи, што чему-нибудь нашаль научят.

Да и робетишка-те наши пока ишшо ништовины, с кажным любое зделаччё можот. Вон вчерась с самым-то маўким чуть ума не рехнулась. Надо ись садиччё, а ево нету. Покричала и в ызбе, и ў загороде – нету нигде. Сразу ведь на худое думаеш. Я уж и ў дровенике гледела, и ў хливе, на бити

нали лазала – нету. Назать слезала – оразилась, лико какая печенича на колине. Не знаю, чё и делать, хош дереўно бунти. Ну, думаю, зделаю робетишкам хош еишничю, да и побегу. Пошла под калидор, где куричи кладуччэ, еичь взеть, глежу, а там парнишко-то на сине спит. И тоўку дать не могу, как туды и попаў: дверинка-та была на завёртышок завёрнута, завёртышок-от тугой, да ему и не достать. Спит там, убажной, две куричи рядом в лошниках сидят, и петух на улице у окошечкья, через которо куричи забираюччэ, стоит, кикирикат, а тому хош бы што: спит, андели, ничево не чюёт.

– Ты чево засобиравалась-то? Ну, ладно, коё не мера, дак приходи. Около обеду-то я ўсегда дома ли на улице где около дому. Робетишка-те сероўно от дому далёко ототти не дадут.

Бухтины Самодурова

В дереўне-то ранше эка мода была – на беседы ходить. Соберуччэ у ково-небудь в избе да и сидят там. Хто што делает. Бабы дак хто предёт, хто кружова́ плетёт, а хто дак и так сидит. Бывает, писни запоют. А хто дак чё занятоё расскажут.

У нас экой Самодуроў ў дереўне бываў. Тот всё любий на беседы-те ходить. А придёт – дак слова просто не скажот. Всё какие-небудь приговорки да рассказы, што и вирить нельзя. Всё, бывало, рассказываў, как к ему самолёт в дереўно прилетаў да на крышу садийсё.

– Вот кошу, – грит, – в загороде, а самолёт-от и литит. Вот уж надо мной как раз. Глежу, лётшык окошко открывает у самолёта, голоу высунуў да и кричит: «Эй, – грит, – на Москву-то тут дак котора дорога? А то тут всё над лесом литили, окружыло, и дорогу потеряли».

– Да на Москву-то поди-ко я и не знаю, – говорю, – у нас кому ў Москву надо, дак сперва в Хароўськую едут, а оттуды уж на поезду и дале, хто куды жалаёт. А на Хароўськую дак вон дорога. Вы давайтэ лититё-ко ў Хароўськую-ту, да там и спроситё. Там-то народ горочкёй, потоўковее нас, можот, чё и подскажут. Да больнё-то не торопитесь, садитесь наземь-ту, вон бабе своей скажу, да самовар поставит да чаю попьём. Сахару-то нету, дак хош с веленичэй.»

Лётшык рукой махнуў: «Ладно, сейчас». Дереўно облитеў да и сеў ко мне на крышу, штобы потом слетать было лоўчее. Я лисничю приволок, оне слизли, в избу пошли. А с собой-то и сахару, и каўбасы и всяково угошшения принесли. Я обрадеў, из синика поўлитру принёс. Выпили, штей свежих похлебали. Поговорили, што да где. Говорят, литят из Архандельскя, торопиччэ бы надо, да вот с дорогой не попаило.

После другой стопки и розговор сминийсё. Почели спрашивать, где ишшо вина можно купить, да ў которой дереўне деўки башше. А после третьей и гармонью запросили. Я уж говорю: «Робята, гледитё, отемниетё, дак и соўсем дороги не натти». Ладно, засобирались. Сходили ў нужник на дорогу. Старшой меншово отправиў мотор заводить, а сам сеў со мной на

посошок. А младшой-от, чюём, в самолёте петаеччѣ, мотор заводит, а тоўку-то, видно, ишшо нету, да и голова-та не больнѣ трезва. Горючѣе всё выжог, а мотор не завѣў. Старшой-от лѣтшык из мати в мать: чѣ делать-то топерече?

Я гу: «Робята, у вас самолёт-от на чѣм роботат, на бегзине ли карасине?» Старшой грит: «Да один лешой, с умом дак на чѣм хош улитим».

Я достаў трѣхлитрову бутылъ карасину, куплен быў гля ланпы да фенаря, оддаў им. Оне говорят: «Мало, далѣко не улитиш». Сидят росстрояныѣ.

Я гу: «Ну чѣ, робята, деньги-те есь?» – «Есь».

– Давайтѣ десятку, а то дак и две. Дали три, токо выручи.

Взяў деньги да бутылъ из-под карасину и пошоў к божатке: та ўсю жысь самогонку гонила. Говорю: «Налей-ко, божатка, почишше да покрипче». Та, как увидела бутылъ, дак и давай меня ругать из сотон в сотоны: «Пьенича, остатню копейку ў семье пропиваѣш, да с экой-то острашынной бутылъѣй пришоў, грезной да и карасином пахнѣт. Пить-то из экой гаведно».

Я гу: «Отстань, божатка, ругаччѣ-то, не мне вино-то, да и деньги сразу оддам».

Вынуў десятку, полóжыў на камот: «Ну, чево?»

Божатка на деньги згленула, рукой махнула: «Да лешой с тобой, пей хош в три горла. Ладно, помани упряжку, сечас принесу».

Сосмешали мы карасин с самогонкой, вылили ў бак, тырк – завелось с первово разу.

Лѣтшыки говорят: «Ну, Самодуроў, молодець. В Москве скажом, што эко горючѣе придумаў – премию дадут». Улили.

Я премию мисеча два ждаў, не дождаўсѣ. Поди, забыли, не сказали. Да ладно и сделали. Сразу бы на коўхоз план спустили: пришлось бы картошку на самогон изводить. А без картошки згинѣм, соўсем в дерѣўне ись нѣчево будѣт.

Баўшка ў няньках

Ой, вóсподи, опять отча да матки нету дома, всех сотон на меня оставили. Чѣлой день шшáливают, никакovo тоўку с им не дать.

– Ты куды в окошко-то пѣлиссѣ, оразись-ко с экой высотишшы, дак убѣссѣ дó смерти. Токо за вам, сотонам, и гледи да нáстори, чѣ бы не наварзáли.

– Отстань от диўчѣнки, сотонѣнок, чеве еѣ задóриш, ликo опять росквилиў. Нет бы дома посидить да с робѣнком поводи́ччѣ, дак ведь лешой носит челой день по дерѣўне. Лидька бы поводилась, да ишшо худа пѣстунья, за самой глаз да глаз надо.

– А ты-то там каково лешова по поличям лытáѣш, уди из кути. Недаўнб или, опять надо. Садитесь за стоў, сечас шти из печи достану. Руки мойтѣ! Воды-то налейтѣ в рукомойник, чево простым-то брекотитѣ.

Грезь-ту с рук лутше смывайтё, а то рукатерник-от упичкели, што как из грезі складен. Чево коўшом-то ў котле сқыраетё? Воды нету? Дак ведь линь сотонам наносить-то, ждетё, пока отець да matka не велят. Линишша перекáтныё, линь-та перёже вас родилась.

– Чево там под кроватьёй-то поўзаш, чево ишшош? Садись за стоў, гля тебя другой выти не будёт.

– Ты-то чево как пень у стола выўстаў? Лошки нету? Вон маўкая лощёкья есь, дак бери. Да вон и большая у тебя под носом, зинчи-те открой. Да сядь за стоў-от, чево иси как нёкрут? Сидитё ўмски за столом, хлебайтё да мене байтё.

– Не тоўкай деўку-ту, она ўсе шти пролила. Ишшо потоўкайсё, дак лошкой пачёсну, да из-за стола вон, дак и наисись!.. Лико, лешой с тобой, ишшо и на ответ даёт. Уж большой, а ума нету. Вырос, а ума не вынес. Не слушаёт не отця не матки. Да и оне вас худо стрóжат. Вичю на вас надо хорошую. Мой татькё ишшо говариваў: «Вичька не покалечит, а ума дас». Я всё держала вичю-ту за кожукóм, дак опеть куды-то девалась. Поди, из вас которой её выкинуў.

– Чево не иси-то? Неискусно? Вот тьому дам, дак будёт искусно. Где, к лешому, на ўсех уладить, ведь не варить каждому на осóбинку.

– Поили, дак выходитё, чево ишшо ждетё? На улицю подетё, дак одиньтесь потодильнее, не ходитё как пасачи.

– Чево там деретёсь-то? Ну-ко росстáньтёсь, а то рёмнём отхлешшу ўсех по очерёдке. Нет от вас, сотон, спокою не денно не ношно. Отстань махаччё-то, чуть мне глаза не выткнуў! Лико окáзьё какое, не дна бы тибё не покрышки! Неси вас лешой на улицю, сотон окаянных, прости меня, восподи, черичя небесна!

Слава тибё, восподи, ушли. Со стола уберу да стаўчи вымою, да хош упряжку какую в спокое посижу.

Дóма в дереўне

Вот опеть я приёхаў ў дереўню домой.
Петь годоў уж прожыў ў городу.
Вёдро сёдне на улице – часик какой
Погулеть по дереўне поду.

Сончё сёдне палит, и жаришша неўладь,
А водичя в рике – вараток.
Робетишок купаччё не надо и звать:
Челым сўткам бунтят омуток.

Вон Марюта идёт с водоносом с рики:
Волокёт челы вёдра воды.
Паўло косит у бань, а евонной парнёк
Изорваў, кайчёт, новы штаны.

Эк и поўзат вездe, вот легушу зымаў,
И изладиўсё с ёй поиграть.
А Марюта орёт: «Чё ты петаш её?
Опусти да не смий боле брать!»

Паўло это учуў, парнека поругаў
И ў застиньё пошоў покурить.
А парнишко ў грезе железягу нашоў,
И давай ёй о косу лашшыть!

Вон Текуса с Паранёй счипились в лугу:
Видно, худо роздилен покос.
Эк деруччё, ак стрась! Взяли по батогу-
У Параньки ў крове, кайчёт, нос.

Дале Ваня с Аўгусой своей мечёт стог,
Да не стало им сена хватать.
Ванька снизу орёт: «Што ты, лешой с тобой?
Чё, забыла, как стоги метать?»

А Аўгуса не чюёт, оглохла даўно,
Ак топере ругай – не ругай.
«Ванька, сена-то нет, ну-ко стог утодиль,
Да и снизу ево подчепай».

Ванька ў нос матюкнуўсё, за грабли взеўсё,
Почяў сено остатнё чепать.
А Аўгуса вверху балахон послала,
И пока-што легла подремать...

Да, кажинной уж год, как подходит пора,
Иззаранья уж серчё болит:
Побывать надо сейгод в родной волосте,
На дереўню свою погледить.

Вечер

Как даўно всё это было,
Лет уж с петдесят назад,
Хош мы много што забыли,
Детсво каждой спомнить рад.

Вся семья домой собралась,
Каждой делом занеўсё:

Мама, кайчѣт, обрежалась,
Васька на печь забраўсѣ.

Я сидеў, сидеў без дела,
И пошоў за мамой в кутъ.
Лидька ў зыбке заревела,
Што и радива не чутъ.

Баўшка Настя заругалась,
Стала Лидькю жолыбать.
Покачала да россталась,
Стала Васькю с печи звать.

Ваське лизти неохота:
Токо почяў усыпать.
На шобунях без заботы
Он уклаўсѣ подремать.

С Лидькѣй мне пришлось водиччѣ:
Одияльчѣ подтянуў,

Сунуў в ротик рогоушку,
Протиў свету розвернуў.

Сеў в углу, качею зыбку,
А сам читкой занеўсѣ.
Заскрипеў у зыбки очеп,
И опеть замоўкло ўсѣ.

Толькѣ свишшот витер в вьюшке,
Мама вѣдрам брекотит,
Баўшка брякаѣт коклюшкам,
Папа над вершой сидит.

Литература

1. Закон РФ "Основы законодательства Российской Федерации о культуре" от 9 октября 1992 г. N¹ 3612-I (с изменениями от 23 июня 1999 г., 27 декабря 2000 г., 30 декабря 2001 г.).
2. Вологодское словечко: Школьный словарь диалектной лексики / Отв. редактор Л. Ю. Зорина. – Вологда, 2011. – 344с.
3. Богобоязов С. Н. Языковые элементы азлецкого диалекта на фоне славянских языков // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сборник научных трудов. Часть 10. – Вологда, 2012. – С. 178-183.